

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355

УДК 94(470)"19/..."; 304.2

«ЭТО ТАК НЕ БЫЛО»: ДИСКУССИИ О ТЕРРОРЕ В ЭСЕРОВСКОЙ ПАРТИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Морозов Константин Николаевич,

доктор исторических наук, доцент,

профессор кафедры истории

Школы актуальных гуманитарных исследований

Института общественных наук

Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте РФ,

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1

morozov.socialist.memo@gmail.com

Аннотация

Данная статья, написанная в значительной степени на архивном материале, посвящена теме дискуссий о терроре и отношению к нему в эсеровской партии в годы Гражданской войны. Проведенные в предшествующие годы исследования позволяют сделать вывод, что покушения на В. Володарского 20 июня 1918 г. и на В.И. Ленина 1 января и 30 августа 1918 г., хотя они и не являются актами партийного эсеровского террора, нельзя рассматривать вне контекста отношения к террору в эсеровской партии. Если рассматривать появление террористических настроений в эсеровской среде и сам эсеровский террор после Октября 1917 г., не нарушая принцип историзма, то становится очевидно, что сами эти настроения явились ответной реакцией на захват большевиками власти в октябре 1917 г. и на разгон ими легитимно избранного Всероссийского Учредительного собрания, сопровождавшийся расстрелом мирных демонстраций в его защиту в Петрограде и в Москве. В то же время немалая часть эсеров, в том числе и руководителей, была повергнута в сильное смущение невозможностью применять оружие (в том числе и террор) против социалистов, к тому же в ситуации, когда большевики пользовались поддержкой у части столичного, и не только столичного, пролетариата. Рассматривались вопросы применения террора против германских войск, оккупировавших Украину, позднее – против белогвардейских режимов.

Тактика эсеров по отношению к большевистской власти с октября 1917 г. и на протяжении последовавшей за этим Гражданской войны неоднократно менялась. Более того, де-факто единой тактики не было. В ответ на действия большевистских властей в эсеровской среде, и особенно в ее эмигрантской части, появились террористические настроения. Однако

власти нашли способ нейтрализовать потенциальную угрозу эсеровского террора, обратившись к сильному и совершенно неправовому средству – заложничеству.

Ключевые слова: покушение на В.И. Ленина, Гражданская война, партия социалистов-революционеров, оппозиционный терроризм и государственный террор, процесс социалистов-революционеров 1922 г.

Библиографическое описание для цитирования:

Морозов К.Н. «Это так не было»: дискуссии о терроре в эсеровской партии в годы Гражданской войны // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 1. – С. 327–355. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355.

Слова «Это так не было» взяты из чекистского пересказа разговора видной социалистки-революционерки (с.-р.) Е.А. Ивановой с членом ЦК Партии социалистов-революционеров (ПСР) М.Я. Гендельманом на скамье 1-й группы подсудимых («не раскаявшихся») на показательном судебном процессе с.-р. 1922 г.: «...она очень хорошо осведомлена во всех деталях боевой группы Семенова, так как во время объяснения Семенова, Коноплевой, Козлова, Усова и полученных ответов от них на вопросы тов. Крыленко она выражается словами “это так не было”, а было так-то, и здесь она подробно объясняет Гендельману на ухо, который часто говорит, что об этом говорить нельзя» [1, т. 48, л. 148].

Член ЦК ПСР и один из членов «руководящей пятерки» 1-й группы подсудимых (во 2-ю группу включили раскаявшихся и сотрудничающих с властями) А.Р. Гоц полтора десятка лет спустя написал об этом в «исторической части» своих показаний: «И если по всем пунктам обвинения мы выступали открыто, оспаривая не фактическую основу событий, а лишь их политическое освещение, истолкование и оценку, то по одному вопросу мы чувствовали невозможность выступить так же открыто – именно по вопросу о терроре. После очень длительного обсуждения мы пришли к выводу, что нельзя в интересах партии, перед лицом всей страны и общественного мнения трудящихся России и Запада вскрыть все разногласия, которые имелись в партии в те годы по вопросу о терроре, рассказать о той внутренней борьбе, которая имела место в рядах партии по этому вопросу и которая приводила к таким некрасивым морально-политическим последствиям, как опубликование Ц.К. п.с.р. о своей непричастности к теракту против Володарского. Не желая демонстрировать разброд в рядах Ц.К. п.с.р., руководящая пятерка обязала всех участников процесса стоять в вопросе о позиции партии в терроре на точке зрения большинства Ц.К. и категорически отрицать прикосновенность партии к теракту против Володарского и покушению Фани Каплан» [1, т. 95, л. 110].

Архивные находки и многолетняя работа, в ходе которых удалось выявить многочисленные нестыковки и противоречия в позициях обеих противостоявших на процессе сторон, позволили понять, что в полном виде неправдивы и официальная версия, и версия подсудимых 1-й группы, что в действительности существовал иной, третий рисунок. Реконструкции этого иного рисунка, в максимальной степени отражающего реальные события, на основе анализа документов, в том числе и впервые вводимых в научный оборот, и сравнения разных свидетельств будет посвящена готовящаяся к публикации книга, а также ряд уже опубликованных статей [10, 12]. Эта статья, написанная в значительной степени на архивном материале (преимущественно из ЦА ФСБ РФ), посвящена теме дискуссий о терроре и отношению к нему в эсеровской партии в годы Гражданской войны.

Если рассматривать появление террористических настроений в эсеровской среде и сам эсеровский террор после октября 1917 г., не нарушая принципа историзма, то становится очевидно, что сами эти настроения явились ответной реакцией на захват большевиками власти в октябре 1917 г. и на разгон ими легитимно избранного Всероссийского Учредительного собрания, сопровождавшийся расстрелом мирных демонстраций в его защиту в Петрограде и в Москве. В то же время немалая часть эсеров, в том числе и руководителей, была повергнута в сильное смущение невозможностью применять оружие (в том числе и террор) против социалистов, к тому же в ситуации, когда большевики пользовались поддержкой у части столичного (и не только столичного) пролетариата.

Террор традиционно рассматривался народовольцами и эсерами как крайнее средство, допустимое только при отсутствии политических свобод и демократии, дающих возможность решать вопросы мирным путем. Безусловно, большевики, захватывая власть за две недели до выборов в Учредительное собрание, а затем и разгоняя его, сами вводили политическую борьбу в русло крайних нецивилизованных насильственных форм. Сегодня нам это кажется странным и парадоксальным, но большевики даже бравировали этим, считая это проявлением настоящего революционного духа.

Но необходимо отметить, что террористическая борьба эсеров, в отличие от дореволюционного периода, когда она была встроена в официальную тактическую концепцию партии, в послеоктябрьское время в официальную тактику партии включена так и не была. Сторонниками террора были предприняты две такие попытки: первая – на IV съезде ПСР (26 ноября – 5 декабря 1917 г.), вторая – на Пленуме ЦК ПСР в феврале 1918 г. Обе они в силу преобладания в руководстве партии противников немедленного начала террористической борьбы (были и принципиальные противники террора против социалистов, и колеблющиеся, и те, кто считал

применение террора против большевиков недопустимым до отрыва от них с помощью агитации поддерживающих их масс) так и не удалось: террор не был включен в официальную партийную тактику, вотируемую на IV съезде и на VIII, IX и X Советах партии в 1917–1921 г. Впрочем, есть свидетельства, что сторонники террора в 1918 г. пытались в частных разговорах перетянуть на свою сторону отдельных членов ЦК.

Сама тактика ПСР по отношению к большевистской власти с октября 1917 г. и на протяжении последовавшей за переворотом Гражданской войны неоднократно менялась. Более того, де-факто единой тактики не было. Разные течения в ПСР вели собственную игру и осуществляли собственную тактику, часто вопреки решениям партии. Особо подчеркнем, что такая же картина, как стало ясно в ходе наших исследований, сложилась и в отношении террористической практики. Именно поэтому те, кто ее поддерживал/практиковал, были вынуждены скрывать свою причастность к партии, чтобы не вызвать гнев своих товарищей и не спровоцировать раскол партии.

Количество материалов, характеризующих эсеровскую террористическую тактику в дореволюционный период (1902–1911), во много раз превосходит количество материалов, относящихся к периоду осени 1917 г. – лета 1918 г. И дело здесь не только в разных временных рамках и разной степени интенсивности этой деятельности. Какие-то отголоски дискуссий о допустимости включения террора в партийную тактику наличествуют в партийной печати только до конца 1917 г., когда эсеры вели себя так, как привыкли в условиях самодержавной власти, когда они не прятали свои террористические взгляды и намерения (за редким исключением). Последний документ такого рода – «Краткий отчет о работах 4-го съезда партии социалистов-революционеров». Позже писать что-либо на тему террора значило немедленно стать объектом пропагандистской кампании и навлечь на себя репрессии. Большой своей архивной удачей автор считает находку в фонде судебного процесса с.-р. 1922 г. стенограмм IV съезда ПСР (помимо некоторых других документов), которые, судя по редакторской правке, были подготовлены к печати, но света так и не увидели [1, т. 69]. Вместо них был издан «Краткий отчет» [6]. Стенограммы IV съезда ПСР важны тем, что, опираясь на них, можно говорить о фактическом наличии террористических настроений в эсеровской партии в конце 1917 г. С другой стороны, они выявляют разные точки зрения на вопросы о том, можно ли вообще применять террор к большевикам в качестве меры самозащиты от государственного террора большевиков.

Симптоматично, что съезд проходил в открытом режиме – в присутствии журналистов. Вопрос о терроре не рассматривался как отдельный вопрос, а возник в связи с вопросом о насилии большевиков в адрес чле-

нов ПСР, подвергшихся арестам, и необходимости защититься от произвола большевистской власти. Эта проблема возникла достаточно спонтанно в конце первого заседания съезда, когда член ЦК ПСР М.А. Лихач предложил послать приветствие арестованным большевиками эсерам [1, т. 69, л. 27–28]. После этого председательствующий зачитал послание от эсера М.В. Вишняка, члена Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, арестованного большевиками и содержавшегося в Смольном (с обещанием отправить в «Кресты») (см. [14, с. 56]). Делегаты съезда встретили его обращение аплодисментами и криками: «Позор, позор» в адрес большевиков. Н.В. Брюллова-Шаскольская выступила с предложением потребовать освобождения арестованных эсеров [1, т. 69, л. 28]. После этого председательствующий предложил В.К. Вольскому огласить предложенную им резолюцию [1, т. 69, л. 28]. Таким образом, можно констатировать, что вся ситуация с вопросом о противодействии большевистскому насилию не планировалась заранее, а возникла спонтанно и завершилась принятием резолюции Вольского, по всей вероятности, написанной им уже в ходе обсуждения. Отметим также, что текстов резолюций в стенограмме съезда нет (даны лишь их первые слова, а сами тексты вошли в «Краткий отчет...»).

В заключительной части резолюции, предложенной Вольским, говорилось: «В защиту своих членов, своих организаций и органов, 4-ый партийный Съезд призывает партию мобилизовать все свои силы, организовать повсеместный активный протест и всеми мерами, доступными партии, защищать честь и достоинство партии, и неприкосновенность своих членов» [14, с. 57]. Вольский, придерживавшийся весьма левых взглядов, позднее толкнувших его на создание группы «Народ» и Межпартийной группы социалистов-революционеров (МПСР), был весьма аккуратен в формулировках, не употребляя слова *террор* (впрочем, позже, отвечая на упрек Е.Е. Лазарева, он прямо скажет о том, что террор входит в «формы активного протеста»). С другой стороны, используемые им формулировки были так широки, что вполне можно было в них «втиснуть» и создание соответствующих партийных структур вроде боевых дружин и трактовать как необходимость использование такой меры, как террор.

Парадокс ситуации в том, что эту резолюцию предложили не сторонники террористической тактики вроде В.М. Чернова или Д.Д. Донского, а Вольский, который позже на Февральском пленуме ЦК ПСР 1918 г. выступал против применения террора в отношении большевистских лидеров, пусть и не по принципиальным соображениям, как М.Л. Коган-Бернштейн, а по тактическим.

Но даже такая «широкая» формулировка не устроила некоторых эсеров, возмущенных произволом большевиков. Так, Е.Е. Лазарев выступил

против резолюции, заявив: «Было бы позором, если бы 4-й съезд ПСР ограничился бы одной резолюцией. Было время, когда мы без резолюций умели отвечать на такие злодейства» [1, т. 69, л. 28]. Отвечая Лазареву, который не употребил прямо слова *террор*, но смысл его выступления был всем ясен, Вольский заявил: «Резолюция призывает к действиям, направленным к защите партии и ее членов... Мне чрезвычайно странно, как это может быть названо позором. Я думаю, что тов. Лазарев просто не расслышал того, что я говорил» [1, т. 69, л. 28]. Действительно, Вольский прав, и между его резолюцией и эмоциональной позицией Е.Е. Лазарева принципиальных противоречий нет.

Примечательно, что среди принимавших участие в обсуждении вопроса о действиях в ответ на большевистское насилие, включающих в себя и создание боевых структур партии для охраны самих себя, и даже использование террора, нет тех, кто вскоре активно за это ратовал и пытался воплотить в жизнь. Возможно, дело в том, что те, кто на съезде говорил о допустимости террора, смотрели на него лишь как на средство самозащиты от репрессий большевиков. Те же, кто смотрел на террор как на универсальное средство борьбы, остались в тени.

Резолюцией Вольского фактически был открыт путь сторонникам террора для дальнейших шагов. Именно по этому пути, как мы увидим в дальнейшем, и пошли сторонники террора, которым для претворения своей тактики в жизнь не хватило голосов ни на съезде, ни внутри избранного на IV съезде ЦК, но которые справедливо надеялись, что боевые дружины (пусть и с нетеррористическими задачами), по самой логике борьбы рано или поздно придут и к террору.

Тема террора всплывала на съезде еще несколько раз. Так, на вечернем заседании 26 ноября 1917 г. было зачитано приветствие А.Р. Гоца, в котором содержался совершенно недвусмысленный намек на возможность обращения партии к террору, если большевики посмеют разогнать Учредительное собрание: «...тогда, я уверен, партия социалистов-революционеров снова вспомнит о своей старой, испытанной тактике, вдохновлявшейся лозунгом: “по делам вашим воздастся вам”» [14, с. 59–60]. В.М. Чернов, говоря в докладе «О текущем моменте» об угрозе разгона большевиками Учредительного собрания, заявил: «...Все те силы физические и революционные, которые будут в ее (партии – К.М.) распоряжении, она противопоставит всякой узурпации, всякому покушению на права народа, как она это делала раньше, при предыдущих покушениях на верховные права народа» [Там же, с. 84]. И хотя слово *террор* не было произнесено, для всех привыкших к эзопову языку было понятно, что речь идет именно о нем. Так, Е.М. Ратнер в своей речи после обсуждения доклада «О текущем моменте» выступила за создание боевых дружин, но предложила не давать им директив и не делать

никаких громких террористических заявлений, так как «большевики могут использовать это против ПСР в пропагандистской войне, а кроме того, это может создать им ореол мученичества» [1, т. 60, л. 184].

Впрочем, слово *террор* звучало на съезде и открыто. Так, тверской делегат М.Г. Большаков восклицал: «Если бы в первые дни большевистского переворота, т. е. начиная с 25-го, партия применила бы террор, она стерла бы с лица земли этих авантюристов и мошенников» [Там же, т. 60, л. 542]. В полемике с Большаковым вступил Д.С. Розенблюм, заявив: «Но если большевистское движение есть народное движение, то понятно, мы не могли бы следовать совету товарища Большакова и *говорить о терроре* (рукой редактора исправлено на слова – “*применять террор*” – К.М.)» [Там же, т. 69, л. 555–556].

Можно констатировать, что хотя делегаты съезда к обсуждению резолюции о противодействии большевистскому насилию против членов и организаций ПСР так и не вернулись, но за принятие этой резолюции проголосовало большинство делегатов. Что тут принципиально важно? То, что съезд, являясь по уставу высшей партийной инстанцией, большинством голосов высказался за возможность использования в целях самообороны всех мер против большевиков, если те продолжают насилие по отношению к членам партии, ее органам и организациям. Автор резолюции Вольский говорил, что в перечень этих мер входит и террор (о других поводах для применения террора речь не шла). Кроме того, резолюция предлагала дать ЦК, который будет избран Съездом, поручение «организовать силы партии для защиты партии и ее членов от всяких насилий», и всем было понятно, что речь идет о воссоздании боевых дружин для самообороны.

Принятие решения об использовании террора в разрешенных съездом ситуациях зависело теперь от ЦК как исполнительного органа и опосредованно – от настроений партийного большинства и партийного общественного мнения. Но оказалось, что ни руководство партии, ни партийные массы к применению террора против большевиков «здесь и сейчас» не готовы. Активистские и тем более террористические настроения в партии вовсе не были доминирующими. Для верхушки партии, в том числе и для фракции ПСР в Учредительном собрании, была характерна «сутобо парламентская позиция». В передаче эсера Б. Соколова, опубликованного уже в эмиграции мемуарный очерк, она звучала так: «Мы должны идти путем исключительной законности, мы должны защищать право путем, единственно допустимым для народных избранников, путем парламентским. Довольно крови, довольно авантюр. Спор должен быть перенесен на разрешение Всероссийского Учредительного собрания, и здесь перед лицом всего народа, всей страны, он получит свое справедливое разрешение» [18]. По его словам, этой позиции придерживались «отнюдь не только правые эсеры и центровики, но и черновцы», ибо «именно В. Чернов

был одним из самых ярых противников Гражданской войны и одним из тех, кто надеялся на мирную ликвидацию конфликта с большевиками», веря в то, что «большевики спасуют перед Всероссийским Учредительным собранием» [18].

Но в то же время в партии эсеров и в эсеровской фракции Учредительного собрания были активистски настроенные люди, что сделало возможным создание бывшим энесом, ставшим с.-р., Ф.М. Онипко боевой группы непартийного характера, состоявшей из непартийных людей, но через него подчинявшейся Военной комиссии ЦК ПСР. Силами этой группы планировался захват Ленина и Троцкого в качестве заложников, и ее же члены стреляли в автомобиль Ленина 1 января 1918 г., уже после принятия ЦК ПСР решения о ликвидации группы. Имеющиеся свидетельства сомнений не вызывают: часть эсеров была настроена решительно, по крайней мере, в Военной комиссии ЦК, которая поддержала террористические планы группы Ф. Онипко, так что версия Е. Данилова об инсценировке покушения на Ленина 1 января 1918 г. самими большевиками повисает в воздухе [4]. Впрочем, вся эта история с группой Ф.М. Онипко, нарушившей запрет руководства партии на террористические действия, для абсолютного большинства членов партии тогда осталась совершенно неизвестной, как и решения февральского Пленума ЦК ПСР, обсуждавшего вопрос о терроре и вынесшего соответствующую резолюцию.

Об этих решениях член ЦК ПСР Н.И. Ракитников 8 марта 1922 г. говорил на допросе предварительного следствия ГПУ, проводимого Аграновым: «В феврале или январе 1918 г. (точно не помню) в Центральном Комитете был поднят вопрос о применении террористических актов против большевиков. Большинство членов ЦК на этом заседании высказались против террора (в частности, я также был в числе противников террора). Некоторые же высказывались в пользу террора. Лично мое мнение, поддержанное и некоторыми другими товарищами, было резко и принципиально отрицательно, т.к. считал террор в отношении социалистов принципиально недопустимым» [1, т. 2, л. 132, 132 об., 133 (заверенная копия того времени); т. 114, л. 158, 158 об., 159 (заверенная копия того времени); л. 161, 161 об., 162 (подлинник)].

К.С. Буревой на допросе 16 марта 1922 г. заявлял Агранову: «В связи с поднятым в заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о применении террора по отношению к Антонову... В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая безусловному противнику террора члену Ц.К. Сумгину, между прочим, указал, что при разгоравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызывавшего своими действиями возмущение населения, могло бы революционизировать народ-

ные массы. Чернов внес в Ц.К. резолюцию о терроре, которая была так расплывчато отредактирована, что Сумгин усмотрел в ней возможность истолкования партийными организациями этой резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР, ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е.М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-БЕРНШТЕЙН, ФЕДОРОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН, ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В то время я, как и большинство членов Ц.К., отнюдь не был принципиальным противником применения террора как метода борьбы, но считал, что революционная обстановка того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы» [19, с. 420–421].

Член ЦК ПСР и обвиняемый 1-й группы подсудимых Н.Н. Иванов на предварительном следствии 8 апреля 1922 г. показал: «На первом заседании Ц.К. п. с-р., на котором я поднял вопрос о терроре против советской власти (конец января – начало февраля м[еся]ца 1918 г.), я был поддержан лишь одним членом Ц.К. п.-с-р. Виктором Михайловичем ЧЕРНОВЫМ, насколько я помню» [Там же, с. 420–421].

На самом процессе подсудимые 1-й группы выполняли решение руководящей пятерки «не выносить сор из избы», и их показания были немногословны и не информативны. Н.Н. Иванов в ходе процесса пытался дезавуировать хотя бы наиболее важную часть своих показаний на предварительном следствии, говоря, что его слова были неправильно отражены в протоколе. На суде он подтвердил, что именно он вынес вопрос о терроре на обсуждение ЦК ПСР в конце января – начале февраля 1918 г. и уточнил, что заседаний ЦК, где поднимался вопрос о терроре, было два [1, т. 31, л. 150–152].

Тимофеев в своих показаниях подтвердил, что заседаний ЦК, на которых ставился вопрос о терроре, он помнит «не одно, а несколько». Первое, о котором говорил Иванов, «было вскоре после Учредительного собрания в середине января». В ходе него Ивановым «была сделана попытка поставить на заседании Центрального Комитета вопрос о терроре, и эта попытка была отведена, и отвод был совершенно не случайный», так как «...мотивы вполне ясно вытекают из того подхода к нашей тактике, который мы после разгона Учредительного собрания установили. Надо было ждать, отойти, накапливать силы и так далее». Вторично вопрос о терроре возник

«в начале февраля по инициативе какой-то местной организации... в связи с деятельностью Антонова-Овсеенко, ввиду тех безобразий и зверств, которые он и руководимый им отряд чинили. Тогда был поставлен вопрос... в двойкой плоскости. Насколько я помню, вообще вопрос о применении террора как одного из тактических методов борьбы в данный момент и, во-вторых, конкретно о терроре как об ответе на те крайние эксцессы, которые имели место. И в той и в другой плоскости вопрос был разрешен отрицательно...» [1, т. 31, л. 167–168].

Из показаний Веденяпина выясняется, что в том случае, когда вопрос о терроре был поднят в связи с деятельностью Антонова-Овсеенко, бюро ЦК, которое по сложившейся практике рассматривало все вопросы и решало, выносить ли их на заседание ЦК, и которое ранее отвергло предложение Иванова (впрочем, по словам Тимофеева, возможно, Иванов и не стал вносить этот вопрос на рассмотрение Бюро, заранее зная о его отрицательном отношении к этому вопросу, а попытался обратиться напрямую к пленуму ЦК, что было отвергнуто в том числе и потому, что ставить вопросы на обсуждение могло только Бюро), на этот раз решило вынести вопрос на обсуждение пленума [Там же, т. 31, л. 169–171]. Мотивы этого решения объяснил Тимофеев: «Была определенная позиция: поскольку сообщились новые факты и запросы исходили от местных организаций, оторванных с локальным своеобразным характером и обстановкой, постольку мы должны были к этому вопросу отнестись более внимательно, чем к другим». Он также согласился с формулировкой Крыленко: «... ввиду того, что вопрос исходил от местной организации, обстановка на местах была неизвестна точно, нужно было дать руководящее указание, не только принципиальное, но и практическое решение вопроса, этот вопрос должен был быть поставлен на пленуме» [Там же, т. 31, л. 169–171].

Попытки Крыленко во время судебных слушаний выспросить хоть какие-то подробности об обстоятельствах последнего заседания, о занятых позициях и о содержании резолюции и поправок к ней у А.Р. Гоца, Д.Д. Донского, Ф.Ф. Федоровича, Е.М. Ратнер успехом не увенчались: кто-то говорил о своем отсутствии на заседании или появлении на нем к самому его окончанию, кто-то констатировал, что добавить ему нечего. Все подсудимые 1-й группы на вопрос Крыленко о содержании резолюции и поправки Сумгина ответили, что не помнят их. В частности, Иванов утверждал, что не помнит текста резолюции и даже того, голосовал ли он за нее [Там же, т. 31, л. 179–180]. Член ЦК ПСР Е.М. Тимофеев вспоминал, что на втором заседании «была такая формулировка: в настоящей социальной обстановке вопрос о терроре не может ставиться по целому ряду мотивов... Мотивы таковы, что в настоящий момент ставится в порядок дня не борьба с отдельными эксцессами, не борьба с отдельными лицами, а нару-

шение всей системы насилия, которая знаменует собой Советская власть. Этот момент звучал четко и отчетливо, и поэтому отдельное конкретное предложение аннулируется. Но сверх того были и другие мотивы, точно формулировать их я не берусь» [Там же, т. 31, л. 176].

Подсудимые предпочитали уводить разговор в сторону, переходя к обсуждению второстепенного вопроса о том, когда именно и почему Сумгин ушел из ЦК, а впоследствии и вовсе отошел от партийной работы. Из их показаний становится очевидно, что для Сумгина отвержение его поправки о принципиальном недопущении террора во время революции было весьма и весьма важным и вполне могло послужить для него мотивом к выходу из ЦК, для большинства членов которого вопрос о терроре носил не принципиальный, а тактический характер, что и показало отвержение поправки Сумгина.

Мои поиски материалов заседаний и резолюций ЦК ПСР и Пленума ЦК ПСР февраля 1918 г. успехом не увенчались. Увы, их не обнаружено ни среди тех неопубликованных протоколов ЦК ПСР, которые при арестах и обысках попали к чекистам и хранятся в фонде Н-1789, ни среди того, что было увезено эсерами за границу и с комментариями В.М. Чернова опубликовано Ю.Г. Фельштинским и Г.И. Чернявским [15], ни среди материалов, опубликованных Н.Д. Ерофеевым [14], ни среди той части протоколов ЦК, которые были обнаружены в семейном архиве секретаря Бюро ЦК ПСР В.Н. Рихтера и опубликованы в сборнике документов, посвященном ему [21]. Но сам факт реальности этих заседаний ЦК и Пленума ЦК ПСР, посвященных вопросу о терроре, ни малейших сомнений не вызывает, так как он подтверждается разными свидетелями и подсудимыми, в том числе и 1-й группы, как на следствии, так и на процессе 1922 г., а затем А.Р. Гоцем в 1937 г. Он писал: «Эти настроения находили отклики и в партийных верхах, и в партийных низах. Сторонниками применения этого метода борьбы в то время в ЦК ПСР были Чернов, Гоц, Лихач, Иванов Н.Н., Донской.

Во-вторых – Ракитников, Гендельман М.Я., Раков, Веденяпин, Берг (*вписано сверху карандашом рукой Гоца – К.М.*), Сумгин и др. Колеблящуюся позицию занимали Тимофеев, Герштейн, Ратнер Е.М.

При обсуждении этого вопроса в ЦК ПСР большинство высказалось против террора, причем Сумгин в виде протеста [против] самой постановки такого вопроса в ЦК вышел из его состава. Но как обычно бывало в ЦК ПСР, при решении всех спорных, вызывающих разногласия вопросов **формулировка была дана такая растяжимая и каучуковая, что, отвергая по существу террор, она не связывала рук и меньшинству, стоящему на точке зрения террора** (*выделено мной – К.М.*)» [1, т. 95, л. 67–68]. Последняя фраза А.Р. Гоца крайне важна, так как именно она позволяет лучше понять суть дальнейших событий. Но в партийной прессе об этом

обсуждении и принятой резолюции не сообщалось, текст резолюции не был опубликован. Во время процесса 1922 г. подсудимые 1-й группы говорили, что все партийные функционеры об этом знали. Но, судя по допросам ряда партийных функционеров, многие из них об этом не слышали.

Решения IV съезда партии и февральского Пленума ЦК ПСР дали только более или менее четкое понимание того, что партия запрещает террористические действия от имени партии. Но в том, что не запрещалось, нашлись лазейки, которые позволили сторонникам террористической тактики действовать по двум направлениям. Они использовали тот зазор, который имелся между писанным партийным правом (которое требовало санкции ЦК на действия, затрагивающие партию в целом), и неписанным, своего рода обычным правом революционера (сформировавшимся в рамках субкультуры российского революционера (см.: [8, 11, 13]), где можно было предпринять действия на свой страх и риск, если эти действия четко и конкретно не запрещены партией.

Во-первых, сразу после съезда в Петрограде и в ряде других городов началось формирование боевых дружин из рабочих. Террористические задачи перед ними не ставились (только охрана митингов, демонстраций, партийных редакций и типографий, органов партии и т. д.). Правда, они в том же Петрограде серьезной силы не представляли, а настроения рабочих-дружинников были проникнуты примиренческими настроениями по отношению к большевикам. По словам Б. Соколова, в то время одного из руководителей Военной комиссии при ЦК ПСР, «это было еще время, когда рабочие, даже те из них, что были настроены определенно оппозиционно в отношении большевиков, питали некоторые иллюзии насчет этих последних и их намерений... И при учете сил, которые бы могли защищать У.С. с оружием в руках, эти боевые дружины мы не принимали в счет...» [14, с. 277].

Однако наличие подобных боевых дружин позволяло сторонникам террористической тактики надеяться на то, что они рано или поздно приступят к террористическим действиям. Очень ярко и убедительно об этом говорил позже А.Р. Гоц: «Организация боевых дружин была ЦК санкционирована, но на них была возложена задача организации не террористической борьбы, а охраны с.р. митингов, собраний и защиты с.-р. ораторов и вообще партийных работников. **Такая постановка вопроса удовлетворяла и сторонников террора, так как было совершенно ясно, что если размахивать в борьбе вооруженным револьвером, то рано или поздно последует выстрел** (выделено мной – К.М.). В атмосфере, насыщенной партийной ненавистью, страстной борьбой, фракционной нетерпимостью, политическим фанатизмом, трудно было ожидать, чтобы дружинник, которому вы вручаете оружие для защиты от нападения противника,

сам не перейдет в тот или иной момент от обороны к нападению, т. е. к террору. Было совершенно очевидно, что боевые дружины должны были со временем превратиться в организации, в которых террористические настроения все больше и больше сгущались» [1, т. 95, л. 68–69].

Во-вторых (по порядку, но не по своему значению), дело не в том, что резолюция февральского Пленума ЦК ПСР не была опубликована, а в том, что она касалась только *партийных* террористических актов, и в ней ничего не говорилось об актах *индивидуальных*, которые могли быть предприняты отдельными членами партии на свой страх и риск, при их выходе из партии. Сразу подчеркнем, что на процессе выявилось много разных трактовок того, что же такое индивидуальный акт, как к нему относятся в партии, обязательно ли выходить перед ним из партии, можно или нельзя объявить себя после задержания членом партии. И трудно понять, что порождало эти разногласия в каждом конкретном случае: противоречивость явления и отношения к нему в партии или желание защитить свою версию событий.

Член ЦК ПСР Н.Н. Иванов (достоверность этих его показаний сомнений не вызывает) на допросе 7 апреля 1922 г. показал: «Центральный комитет партии с.-р. в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. **Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, так как условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти** (выделено мной – К.М.)» [19, с. 433].

Из первой фразы Н.Н. Иванова видно, что были еще резолюции ЦК ПСР и Петроградского бюро ЦК о терроре «весной, в начале лета 1918 г.», о которых мы не знаем. Представляется также, что последняя фраза Иванова является своего рода ключом к разгадке всей этой ситуации. Действительно, двусмысленность этой установки, с одной стороны, позволяет действовать «на свой страх и риск» любому члену партии, желающему совершить террористический акт, так как категорического партийного запрета (исключения из партии) нет, а вероятность в случае успеха стяжать славу и попасть под действие поговорки «Победителей не судят» весьма велика. С другой стороны, она, безусловно, дает потенциальную возможность отдельным сторонникам террора в руководстве партии, не нарушая партийной дисциплины и не давая никаких директив и санкций на партийный террористический акт, *не запрещать* желающим совершить индивидуальный террористический акт,

негативные последствия и ответственность за который (в случае его неуспеха) падут лично на инициатора и исполнителя этого акта.

Предшествующая дореволюционная практика знала даже более скандальные примеры «договорных» индивидуальных актов, таких как, скажем, письменный договор части руководителей ПСР с А.А. Петровым в 1909 г. Признавшийся в сотрудничестве с охранкой (якобы с революционными целями), он во искупление этого греха брался убить начальника Петербургской охранки генерала А.И. Герасимова, а руководитель БО ПСР Б.В. Савинков и член Заграничной Делегации ЦК ПСР И.И. Фондаминский (утаившие это весьма деликатное дело от остального руководства ПСР) обещали признать этот акт партийным. Но обязательство признать акт Петрова партийным выполнено не было (Савинков и Фондаминский мотивировали это невыполнением Петровым условий договора: он убил не Герасимова, а назначенного на его место полковника Карпова) [7].

По существующим неписаным нормам и дореволюционной практике каждый революционер в случае несогласия с тем или иным решением партии имел право выйти из нее и поступить так, как велела ему его совесть, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что он может столкнуться с осуждением своих товарищей по партии, которая ответственности за его действия не несла и вполне могла от них отказаться. На процессе с.-р. 1922 г. говорилось, что для желающего совершить террористический акт на свой страх и риск правильным считалось, кроме выхода из партии, еще и обратиться к членам ЦК или к ЦК в целом с целью удостовериться, что данный акт не нанесет вреда партии и запрета на него руководство не наложит.

Именно так поступила Ф.Е. Каплан, приехав в Москву из Крыма весной 1918 г. Став эсеркой еще на каторге, она высказывала ряду видных эсеров свое намерение совершить террористический акт против В.И. Ленина и изыскивала весной-летом 1918 г. для этого организационные возможности. И если свидетельства об этом руководителей и членов боевой группы Семенова (по формулировке Обвинения – Центрального летучего боевого отряда ЦК ПСР) и впоследствии 2-й группы подсудимых Г.И. Семенова, Л.В. Коноплевой, Ф. Ставской и других по понятным причинам не вызывают доверия, то ряд других свидетельств заслуживает самого серьезного отношения.

Первоначально Каплан обращалась к разным членам ЦК с предложением совершить террористический акт от имени партии, но поддержки не получила. Об этом есть свидетельства В.К. Вольского, В.М. Зензинова и других, их достоверность не вызывает сомнений. Исследования подтверждают, что Ф.Е. Каплан шла на покушение в форме индивидуального, а не партийного акта. Поняв, что ЦК ПСР не даст в обозримом времени согласия на партийный террористический акт, она стала искать помощи на сто-

роне и, по свидетельству Семенова на суде, встречалась с Б.В. Савинковым (о причастности Б.В. Савинкова к покушению на Ленина будет написано отдельно). С другой стороны, она повела переговоры с руководством партии о своей готовности совершить акт индивидуального характера.

«Моментом истины» в вопросе о том, какой характер носил акт Ф.Е. Каплан, как ни странно, является то, что она сама говорила об этом на допросе. Дело в том, что по существующей практике ПСР признание партией покушения партийным актом давало право террористу при аресте объявить этот акт партийным. Это право очень ценилось террористами, и в глазах эсеровской среды подобный террористический акт, выполненный одиночкой, но получивший признание партии как «партийный акт», стоял значительно выше, чем «индивидуальный акт». Если бы санкция какого-либо партийного органа на покушение на Ленина была, то Ф.Е. Каплан обязательно воспользовалась бы своим законным правом объявить свой акт партийным и заявила бы об этом на допросе. В случае же акта индивидуального она была обязана отрицать причастность к акту партии и свою причастность к ПСР.

На самом первом допросе 30 августа 1918 г. в военном комиссариате Замоскворецкого района в 11.30 вечера Ф.Е. Каплан показала: «Я стреляла по собственному побуждению... Стреляла в Ленина потому, что считала его предателем революции, и дальнейшее его существование подрывало веру в социализм... Я считаю себя социалисткой, сейчас ни к какой партии себя не отношу... К какой социалистической группе принадлежу сейчас, не считаю нужным сказать» [5, с. 195]. Нет сомнений, что Ф.Е. Каплан получила разрешение именно на индивидуальный акт от члена ЦК ПСР и члена Московского Бюро ЦК ПСР Д.Д. Донского (данное, по всей видимости, и от имени Московского Бюро ЦК ПСР. Бюро, впрочем, в это время состояло всего из двух человек) при встрече во второй половине августа 1918 г.

Представляется, что Д.Д. Донской, по его свидетельствам на суде, от своего имени, а по всей видимости, и от имени Московского Бюро ЦК, членом которого он являлся, в присутствии Г.И. Семёнова всё же дал Ф.Е. Каплан добро на индивидуальный акт (или, по крайней мере, не запретил его). Самое интересное, что в этой ситуации формально ни Д.Д. Донской, ни Московское Бюро ЦК никаких партийных решений вроде бы не нарушали и ничего согласия испрашивать не были обязаны. Но только формально и только с точки зрения сторонников террористической тактики. Узнай о санкции Московского Бюро и о его (или лично Д.Д. Донского) разрешении даже на индивидуальный акт противники террора, они вряд ли бы согласились с такой трактовкой и подняли бы внутривнутрипартийный скандал. Об этом заставляет думать реакция эсера Б. Бабина-Корня на пересказ его

женой диалога с Донским. Бабин-Корень считал, что в ситуации, когда «...какой-то безответственный тип доводит до сведения члена ЦК политической партии о своем намерении совершить безумный и вреднейший по политическому значению акт», Д.Д. Донской должен был доложить ЦК и «установить за таким субъектом наблюдение и, в случае необходимости, принять меры к его изоляции... Это безответственное поведение несерьезных людей в самых серьезных обстоятельствах!» [3].

Помимо опасности реального раскола партии, инициированного левыми элементами в ПСР, более терпимо относящимися к большевизму (на рубеже 1918–1919 гг. они создали группу «Народ»), у руководства ПСР были и другие аргументы против использования террористической тактики, представляющие огромный интерес.

В «Социалисте-Революционере» (Сборник первый. Издание ЦК ПСР), выпущенном весной 1918 г. накануне VIII Совета партии, в статье «Пути и средства борьбы» подчеркивалось (подчеркнуто в сборнике красным карандашом – *К.М.*): «Рабочий Петроград уже изжил большевизм, по-видимому, окончательно. Рабочие Москвы в своей массе настроены враждебно по отношению к советской власти... Но, с другой стороны, необходимо признать, что пока большевизм не вполне еще изжит массами, что есть еще среди крестьянства и рабочих слои, которые продолжают верить в социальный мессианизм большевизма. И это заставляет осторожно и в достаточной мере трезво отнестись к задачам ликвидации большевизма» [1, т. 37, л. 42–42 об.]. Имелось в виду, что применение террора к большевикам вызовет протест у части рабочих. Именно так на деле и произошло.

На V Совете партии в мае 1918 г. вопрос о терроре не ставился и не обсуждался. Но есть свидетельство Г. Ратнера, что руководство партии весной 1918 г. было не прочь применить террор против германских войск, оккупировавших на Украину. Вновь вопрос о терроре был поставлен в повестку дня лишь в 1919 г. на IX Совете партии социалистов-революционеров, но не против большевистского режима, а против белых режимов. Одна их резолюций IX Совета партии социалистов-революционеров «О контрреволюционной опасности» гласила: «Перед лицом страшной опасности, грозящей всем завоеваниям революции, наполовину ликвидированной большевистским режимом террора, от рук Колчака, Деникина, Юденича и других представителей внутренней и внешней реакции, учитывая соотношение наличных сил, IX Совет партии с.-р. одобряет и утверждает принятое всеми правомочными партийными органами решение прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой.

Констатируя полную неспособность этой власти встать выше своих узкопартийных интересов и во имя спасения революции пойти путем

уступок к созданию общесоциалистического и революционного фронта, п. с.-р. лишена в настоящее время возможности слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой большевистской власти и центр своей борьбы против Колчака, Деникина и др. должна перенести в их территории, подрывая их дело внутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставрации народа **всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия»** (выделено мной – К.М.) [14, с. 461]. Не упоминая прямо слова *террор*, резолюция в несколько завуалированной форме намекала на возможность его использования.

Собственно говоря, это было реакцией центристов и левоцентристов на переворот Колчака, разрушивший единый антибольшевистский фронт, и эта новая тактика «третьей силы» исходила из прекращения вооруженной борьбы против большевиков и усиления ее против белых режимов. Были предприняты даже конкретные шаги в развертывании террора против некоторых руководителей белого движения. Примером могут служить обнаруженные нами в ЦА ФСБ РФ неопубликованные протоколы двух заседаний ЦК ПСР от 14 и 23 августа 1919 г. [1]. На первом заседании девятым по счету вопросом обсуждалось «предложение т. Г.И.С.». Сомнений, что речь шла именно о Григории Ивановиче Семенове, нет по двум соображениям. Во-первых, другой расшифровки, если считать, что первые две буквы – имя и отчество, а третья – фамилия, из известного круга видных эсеров подобрать не удалось. Расшифровывать же буквы именно в таком порядке заставляет предыдущая запись: «В целях реализации и сохранения средств, вложенных в Книгоношу, фиктивно перевести ее на имя т. Н.И.Р.» [1, т. 64, л. 3]. Представляется, что речь идет о Николае Ивановиче Ракитникове, вскоре создавшем группу «Народ» и легализовавшемся. Исходя из этого по аналогии можно считать, что и в случае с «т. Г.И.С.» последняя буква – начальная буква фамилии. В протоколе от 23 августа использовались только две буквы – Г.И., которые по существовавшей традиции могли быть только именем и отчеством. (В целях конспирации в протоколах за 1918–1919 гг. употребляли либо одну (фамилия), либо две (имя и отчество) и иногда три буквы, соответствующие ФИО человека, но никогда не употребляли в сокращенном виде имя и фамилию (только подписывая письма). Конечно, все эти буквенные обозначения были не очень конспиративны, но значительно более удобны для самих эсеров, чем использование псевдонимов, с расшифровкой которых потом часто возникала путаница. С 1920 г. всё-таки перешли на псевдонимы, так как во время обысков и арестов в руки чекистов попала подавляющая часть эсеровского архива.

Во-вторых, считать, что речь идет именно о Г.И. Семенове, заставляет само содержание постановления, которое было весьма характерно и спе-

цифично: «Предложение принять. Создание специальной организации ЦК признать ненужным. Выступление должно быть произведено “по постановлению IX Совета Партии”. Кассиру по соглашению с т. Г.И.С. произвести из кассы ЦК нужные расходы» [1, т. 64, л. 3 об., 4].

Обратившись к постановлениям IX Совета партии, мы читаем: «Партия остается на своих прежних позициях, партия самостоятельно ведет свою борьбу с реакцией и с большевизмом. Меры этой борьбы варьируются и будут варьироваться в зависимости от обстановки. В областях, захваченных реставрацией, сейчас применимы формы борьбы эпохи самодержавия, в “коммунистическом” царстве партия сейчас не может выступить вооруженно, как из-за отсутствия сил, так и вследствие натиска на большевизм реакции» [14, с. 457]. Так как к середине августа 1919 г. военно-политическая обстановка по сравнению с началом июля, на момент проведения IX Совета, радикально не изменилась, представляется, что предложение Г.И. Семенова представляло проект террористического акта («формы борьбы эпохи самодержавия» – вне всякого сомнения, эвфемизм террора) против кого-то из лидеров белогвардейского движения. Подтверждением правильности этих выводов является то, что, не договорившись с ЦК ПСР, как известно из ходивших в эсеровской среде слухов, Г.И. Семенов и Л.В. Коноплева, получив поддержку от группы «Народ», уехали в Крым для подготовки покушения на руководителей белого движения.

Вот что писалось об этом 23 марта 1922 г. в эмигрантской эсеровской газете «Голос России» в статье «Разоблачение лжи», предпосланной тексту докладной записки М. Тисленко: «Мы узнаем, что незадолго перед ликвидацией печальной памяти Врангелевского Крымского царства в Крыму была г-жа Коноплева, и туда же ожидался Семенов, – уже в качестве агентов Особого Отдела (т. е. сверхчрезвычайки) при штабе красн. арм.; что в Особом Отделе г-жа Коноплева носила конспиративную кличку “Елены Васильевны”; что она искала помощников, обещая разным людям свой и Семенова патронат, от репрессий Чрезвычайки; что она прикрывалась фирмой т.н. “меньшинства ПСР” – отщепенской группы, шедшей тогда на соглашательство и сотрудничество с большевиками...; что она и Семенов были облечены миссией организовать на средства Чрезвычайки и Особого Отдела террористические акты в тылу Врангеля и поляков. Секрет освобождения из большевистской тюрьмы Семенова, несмотря на его предыдущий неудачный побег, сопровождавшийся поранением его рукою одного агента-provokatora, таким образом расшифрован, как расшифровано и все дальнейшее поведение этого плачевного “героя”, разыгравшего более года спустя комедию раскаяния в берлинской брошюре – в этом “литературном” предисловии к комедии суда в Москве и к внезапной оргии репрессий против социалистов-революционеров по всей России» [16].

А вот что писал об этом М.И. Тисленко в своей объяснительной записке, данной им ЗД ПСР в Берлине 18 марта 1922 г.: «...в бытность мою в армии Врангеля перед самым оставлением Крыма я встретил на улице Симферополя старого боевого товарища Лидию Васильевну Коноплеву, и вот что она мне сообщила: “С большим трудом через секретаря Ленина Енукидзе (Семенов был с ним знаком задолго до большевиков) Семенов обратился с откровенным показанием к Ленину и с предложением к Дзержинскому: создать террор в стане белых (поляков и в армии Деникина), был сперва в Польше и теперь должен приехать в Крым для организационной работы”.

На мой вопрос – что же, собственно, она мыслит под организационной работой? – она ответила: “ясно, как кофе, нужно убрать Врангеля”.

Коноплева выступала в ряде собраний партий партии с.-р., в кооперативных и общественных организациях, стараясь выдать себя за уполномоченного партии “меньшинства с.-р.” В два свидания со мною она усиленно предлагала совместную с ними деятельность.

В конце последнего разговора я расшифровал ее рядом поставленных вопросов и выяснил, что она служит вместе с Семеновым в особом отделе штаба армии, расквартированного тогда в Харькове.

Мною партийная организация с.-р. была предупреждена, и Коноплева успеха не имела» [2, box 8, folder 19].

Чего требовал Г.И. Семенов от ЦК ПСР в 1919 г. и с чем ЦК ПСР не согласился, можно только догадываться. Возможно, он хотел получить для создаваемой террористической группы официальный статус боевой организации ЦК ПСР и специальное постановление ЦК на совершение террористического акта. Как бы там ни было, договориться не удалось, так как уже на следующем заседании ЦК ПСР, состоявшемся 23 августа 1919 г., по вопросу «О т. Г.И.» было решено: «Постановить, что ЦК стоит на своей прежней позиции и может предложить т. Г.И. лишь свой прежний план в тех же нормах. В случае неприемлемости последних для т. Г.И. от его предложения придется отказаться. Переговорить с Г.И. поручить т. В.М.» [1, т. 64, л. 5об.].

Руководство ПСР два раза было вынуждено угрожать ответным террором большевистскому руководству, и оба раза – пытаясь спасти жизни своих арестованных товарищей. Первый раз это было в «Извещении» ЦК ПСР от 5 декабря 1920 г. в ответ на правительственное сообщение от 30 ноября 1920 г. с обвинением ПСР в подготовке террористических актов и объявлением заключенных членов ЦК ПСР заложниками, с угрозами в их адрес.

Большевистская и чекистская власть, не зная еще подробностей контактов Г.И. Семенова и Б.В. Савинкова в Варшаве, очевидно, решила, что Савинков или вступил в сговор с эсерами и ведет с ними совместную борьбу, или что он тайно манипулирует эсеровским подпольем в ситуации,

когда ЦК ПСР в результате преследований и арестов потерял управление. Это прямо следует из рассказа Н.И. Артемьева о содержании разговоров Дзержинского с верхушкой эсеровского ЦК в Бутырской тюрьме. Похоже, поэтому 30 ноября 1920 г. и появилось правительственное сообщение, где говорилось о том, что эсеры вместе с Савинковым и Мильераном готовятся использовать индивидуальный террор против большевистских лидеров, объявившее членов эсеровского ЦК заложниками. Впоследствии на процессе 1922 г. Е.М. Ратнер отмечала, что это был «первый случай, когда вопрос ставился в такой плоскости» и «группа Центрального Комитета партии [с.-р.] была объявлена заложниками», и что «до 20 года партия большевиков к этому не прибегала» [1, т. 31, л. 91–92].

В перехваченном чекистами письме от 3 декабря 1920 из Бутырок, где содержались члены ЦК ПСР, подписанном Н.И. (чекисты на копии написали: Артемьев), сообщалось: «...Посещение Дзержинского мы расцениваем, как желание его выявить для себя наше отношение к большевикам и удостовериться, действительно ли партия думает переходить на путь индивидуального террора... ЧК известно, что некоторые группы за границей высказались также за террор. Кроме всего этого, группа Савинкова посылает агентов для применения террора. Последняя группа совсем не страшна, если она не будет действовать в контакте с с.-р. организациями. С.-Р., по мнению Дзержинского, являются единственной конкурирующей им, большевикам, группой. У ЧК имеются неопровержимые данные, по словам Дзержинского, из которых явствует: Савинков дал директивы своим агентам войти в с.-р. организации и действовать в осуществлении его плана с.-р. именем, а так как некоторая-де часть периферии настроена активистически и так как партия с.-р. распылена, то местные организации могут действовать в контакте с Савинковым, вопреки может быть постановлениям ЦК ПСР (выделено мной – К.М.)» [1, т. 65, л. 187 (подлинник в конверте, л. 188 (копия))].

5 декабря 1920г. арестованные члены эсеровского ЦК Веденяпин, Тимофеев, Цейтлин, А. Гоц, Е. Ратнер, Д. Раков, Артемьев писали из Бутырок (насколько можно понять, оставшимся на свободе членам ЦК ПСР): «...В ЧАСТНОСТИ, НАСТАИВАЕМ НА СКОРЕЙШЕМ /даже немедленно/ ОТВЕТЕ НА НОВЫЙ ПОХОД БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ НАС, НА ЗАИГРЫВАНИЕ МИЛЬЕРАНА И К-Д-ОВ, НА САВИНКОВСКИЕ “ШТУЧКИ”. Точно так же НАДО ведь по достоинству ОТЧИТАТЬ И ЗА ОБВИНЕНИЕ НАС В ТЕРРОРЕ И ЗА ОБЪЯВЛЕНИЕ СИДЯЩИХ ЗАЛОЖНИКАМИ» [1, т. 65, л. 22–22 об.].

5 декабря 1920 г. ЦК ПСР выпустил «Извещение», адресованное в ЦК РКП(б), которое гласило: «Партия с.-р. в своей борьбе с диктатурой коммунистической партии никогда не прибегала к террору. Партия с.-р. не

раз открыто заявляла об этом в связи с попытками господствующей партии и ее органов политической репрессии и сыска приписать Партии с.-р. участие в террористических актах...

ЦК Партии С.-Р. в ответ на указанное сообщение считает необходимым заявить следующее:

Стремление связать Партию с именем Савинкова является плохо придуманной провокацией. Савинков постановлением ЦК был исключен из партии летом 1917 года, а потому за действия Савинкова с момента его исключений Партия С.-Р. столь же мало ответственна, как партия большевиков за выступления своего бывшего партийного товарища Алексинского.

Отмечая весь политический цинизм введенного большевиками института заложничества, ЦК Партии С.-Р. еще раз заявляет, что партия С.-Р. не ведет и не предполагает вести террористической борьбы с советской властью. ЦК, а следовательно, и вся партия, подчиняющаяся его директивам, в своей практической деятельности руководятся постановлениями 9 Совета Партии, исключающими возможность террористической борьбы.

Не допуская возможность кровавой расправы над членами партии с.-р., находящимися в тюрьме, ЦК предупреждает, что личную ответственность за жизнь узников он возлагает на ответственных руководителей власти коммунистической партии и что, в случае, если угроза, содержащаяся в правительственном сообщении, будет осуществлена, ЦК будет вынужден прибегнуть к оружию для защиты жизни и человеческого достоинства членов партии» [1, т. 17, л. 83].

Второй раз эсеры грозили большевикам ответным террором 1 июля 1921 г., пытаясь спасти от расстрела тамбовских и сибирских эсеров. Руководители и активные деятели тамбовской организации, находившиеся с 1920 г. в Бутырской тюрьме, были в 1921 г. отправлены в Тамбов и переданы суду революционного трибунала, вынесшего смертные приговоры за руководство «антоновщиной» (факт расстрела большевики впоследствии всегда скрывали). По этой же схеме в марте 1921 г. ряд членов ЦК ПСР и видных эсеров был из Москвы отправлен в Сибирь, где им инкриминировали создание «Сибирского Крестьянского союза» и восстание крестьянства в Западной Сибири. Им также грозила смерть, о чем чекисты прямо говорили члену ЦК ПСР и руководителю иркутского Политцентра Ф.Ф. Федоровичу. Федорович, чета Герштейнов и М. Свирская были отправлены этапом в Ново-Николаевск, что повергло в великое смущение всю сибирскую партийно-чекистскую верхушку [17], потому что Ф.Ф. Федорович и Л.Я. Герштейн, который также был членом иркутского Политцентра, арестовавшего Колчака и передавшего власть большевистскому Военно-революционному комитету, получили в январе 1920 г. от ВРК гарантии абсолютной неприкосновенности, как и все члены Политцентра.

1 июля 1921 г. Центральное Организационное Бюро ПСР отправило в «Президиум ВЦИК, Совнарком, Реввоенсовет Республики, Ревтрибунал Особой Армии (Тамбов) и Сибчека» заявление ультимативного характера, которое гласило: «По поступившим в Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров сведениям, члены партии Бондаренко, Данковский, Алпатский и др., арестованные около года назад в Тамбове, свозятся ныне из различных тюрем, куда они были высланы вместе со всеми социалистами, в Тамбов, где предаются суду Реввоентрибунала, по обвинению в идейном руководительстве и в связи с повстанческим движением.

...Органам советской власти достаточно хорошо известно, что ни партия в целом, ни перечисленные выше товарищи никакого участия в Тамбовском и Сибирском повстанческом движении не принимали и связи с ним не имели. Желание квалифицировать имевшие место в отдельных случаях факты информирования партийных товарищей о характере движения является плохо придуманной провокацией, имеющей целью поставить под угрозу жизнь отдельных членов партии.

...Центральное Организационное Бюро партии социалистов-революционеров заявляет, что все перечисленные выше товарищи, равно как и все арестованные члены партии, находятся под защитой партии, и что гарантией сохранения их жизни, их неприкосновенности является личная ответственность руководителей органов советской власти, которым адресуется настоящее заявление» [1, т. 89, л. 60].

На процессе с.-р. летом 1922 г. член ЦК ПСР Е.М. Ратнер отмечала, что «это почти сходится с той формулой, которая оглашается в письме Центрального Комитета 1920 г., то есть если партия большевиков перейдет к массовым казням членов партии социалистов-революционеров, то путем защиты чести партии должен быть террор» [1, т. 89, л. 91–92].

4 августа 1921 г. начальник СО ГПУ Самсонов, отправляя это заявление В.Р. Менжинскому и в копиях – Ф.Э. Дзержинскому, И.С. Уншлихту, сопроводил его следующими предложениями: «Опубликовать заявление в нашей правительственной печати с особым правительственным предупреждением о том, что **за малейшие попытки со стороны эсеров применить против нас террор мы ответим им массовым красным террором** (выделено мной – К.М.); опубликовать показания «тамбовца-бандита Фетискина», «с головой обличающие» Данковского, Бондаренко и других «в бандитизме», «что вскроет подлую ложь ЦОБ ПСР (правых) и что если после всего этого они посмеют поднять против нас руки, то понесут от Советского Правительства заслуженную им кару... Привлечь членов Цека ПСР к ответственности за участие в бандитизме, опираясь на их же заявление в той части, где они указывают, что члены их партии, в том числе тамбовцы-бандиты, находятся под их покровительством» [1, т. 89, л. 91–92].

Обращаясь к суду на процессе с.-р., член ЦК ПСР Е.М. Ратнер объясняла, почему ни в 1920, ни в 1921 г. эсеры не перешли к активным действиям: «...суд... окончился не судом, а внесудебным расстрелом группы наших тамбовских товарищей. Но партия социалистов-революционеров до сих пор не может узнать, какова судьба этих товарищей, были они казнены или нет. Нам говорят, что они отосланы на Лену, что они отосланы в Ташкент. Вы совершили это убийство, эту казнь членов партии трусливо, не сказав прямо, что они вами казнены. И поэтому партия в тот момент не могла также перейти на путь террора. Теперь вопрос о 1920 г. Затем немедленно после объявления нас заложниками и после выпуска заявления Ц.Б. партии нам было от имени вашей партии заявлено, что такая постановка вопроса поведет к взаимному истреблению вождей той и другой стороны, что для той и для другой стороны нежелательно. Поэтому нам ничего не оставалось, как согласиться с этой точкой зрения. И поэтому в 20 и 21 гг. ничего предпринято не было. Может быть, теперь, когда Ваша партия на нашем суде становится откровенно на путь казни, то тогда может опять встать этот вопрос, но это вопрос будущего» [1, т. 89, л. 91–92].

Опыт заложничества, дважды проделанный чекистами в отношении эсеров и показавший, что эсеры в условиях угрозы расстрела своих товарищей, которых власти объявляют заложниками, не способны на применение террора, был снова использован большевиками после процесса 1922 г. В этой ситуации в эсеровской среде, и особенно в ее эмигрантской части, появились террористические настроения. Так, 27 апреля 1922 г. Иностранный отдел ГПУ, ссылаясь на своего «резидента в Берлине, чьи сведения заслуживают полного доверия», сообщал: «На смертные приговоры московских эсеров, т. е. Гоцу и кампании, эсеры, по мнению Минора, ответят террором» [9, с. 261]. Но уже 4 мая 1922 г. ИНО ГПУ передало в СО ГПУ «сведения из Праги»: «Очередная “Чашка чая” совершенно провалилась. Констатирована невозможность применить на чужой территории террор к большевикам, объединение пестрых политических течений признано невозможным» [Там же, с. 261].

8 июля 1922 г. ИНО ГПУ от своего берлинского резидента получило донесение о том, что «в эсеровской среде существуют если не определенные планы, то, во всяком случае, настроения в пользу террора как ответ на процесс в Москве, если он окончится смертными приговорами. Кроме того, с.-ры распускают слухи, что в убийстве Ратенау принимали участие и большевики, чтобы таким образом затушевать впечатление приговора над с.-рами» [Там же, с. 264]. 18 июля агент берлинского резидента вновь сообщал в СО ГПУ: «В разговоре с Постниковым о процессе жена Постникова сказала, что если вынесут смертный приговор С.-Р., тогда “мы начнем косить большевиков здесь”. Постаравшись выяснить отношение С.-Р. к террору против коммунистов, я в беседах с Погосьяном, Мартьяновым и Черновым установил следующее: Настроение

среди С.-Р. за террор против коммунистических вождей. Конкретно они думают этот способ применить после вынесения приговора.

Мартьянов мне указал, что он solo будет участвовать в этих террористических актах, если бы таковые были решены. Главным образом террор намечен против членов Сов. Миссии» [9, с. 264].

Насколько серьезной угрозой для властей стал бы переход эсеров к террору? Представляется, что достаточно серьезной. Конечно, самой легкой добычей террористов стали бы работники посольств и торговых представительств. И вовсе не случайно, что среди тех видных коммунистов, которые высказывались против применения смертной казни, были дипломаты. Но вполне реальной угрозой была и для большевистских руководителей в Москве, так как у эсеров было еще достаточно сил для организации терактов. Насколько серьезно чекисты оценивали ситуацию, видно из письма зам. председателя ГПУ Уншлихта, написанного в конце июля 1922 г. и адресованного Сталину. Документ с грифом «Лично. Совершенно секретно» гласил: «Процесс эсеров близится к концу. Со стороны эсеровских организаций возможны: 1) попытка отбить арестованных и 2) террористические акты на видных советских и партийных работников... Считая этот вопрос весьма срочным и серьезным, прошу поставить его на повестку ближайшего заседания Политбюро» [19, с. 61].

В докладной записке, предвосхищавшей лозунги и практику 30-х годов, адресованной Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому и написанной 22 июля Самсоновым по устному распоряжению Дзержинского, руководство коммунистической партии также запугивалось эсеровским террором: «Партия правых с.-р., как добываемая нами политическая партия (после процесса ЦК ПСР в особенности), перед своей смертью, безусловно, сможет в беспамятстве наделать нам много неприятностей (террор и пр.). В целях предохранения ответственных работников Республики от возможного террора на них со стороны с.-р., с одной стороны, и с другой – в целях пресечения какой бы то ни было работы с.-р. в России, полагал бы против с.-р. принять следующие меры борьбы: 1) С.-р. и лиц им содействующих объявить особым правительственным сообщением – врагами народа. 2) Вести против с.-р. и их приспешников самую беспощадную борьбу за малейшие их проявления. 3) Признать для приговоров над с.-р. и их приспешниками достаточным в качестве обвинительных данных одни лишь агентурные сообщения осведомителей, в случае если в делах привлеченных при обысках ничего компрометирующего против них найдено не будет, при условии, что НАЧОТДЕЛА гарантирует правильность агентурных данных. 4) За принадлежность к с.-р. осуждать в тюрьму сроком не ниже 1 года. 5) За содействие с.-р. при отсутствии партпринадлежности – высылать административным порядком в ссылку не ниже 1 года. 6) Путем

специального постановления ЦК РКП(б) категорически воспретить ходатайствовать и ручаться за с.-р. и их приспешников» [9, с. 344].

Часть руководителей РКП(б) настаивала на расстреле части подсудимых. Им противостояла другая часть большевистского руководства, включая Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева. Эта борьба, как и реальность вынесения и приведения в исполнение смертных приговоров подсудимым эсерам, была секретом полишинеля. Раздор в большевистском руководстве сорвал предложение Л.Д. Троцкого, поддержанное И.В. Сталиным, о расстреле «4-х эсеров» и привел к принятию компромиссного решения, по которому 12-ти эсерам, приговоренным к смерти, отложили приведение приговора в исполнение до момента использования ПСР методов вооруженной и террористической борьбы. Объявив 12 видных эсеров заложниками, Постановлением Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г. большевики навсегда заставили эсеров отказаться даже от разговоров о террористической борьбе.

Можно сказать, что большевики смогли нейтрализовать потенциальную угрозу эсеровского террора, обратившись к сильному и совершенно неправовому средству – заложничеству, которое всего за десятилетие до этого в России считались уделом колонизаторов.

Литература

1. Центральный Архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). – Н 1789.
2. Hoover Institution Archives. V.I. Nikolaevsky collection.
3. Беседа с Б.А. Бабиной / записал Н. Бармин [Рогинский А.Б.]; подготовил к публикации Л. Арапов [Добкин А.И.] // Минувшее: исторический альманах. – М.: Прогресс: Феникс, 1990. – Вып. 2. – С. 367–389.
4. *Данилов Е.* Покушение [Электронный ресурс] // Совершенно секретно. – 2013. – 6 нояб. (N 11/38). – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3910/> (дата обращения: 10.02.2018)
5. Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина / сост.: В.К. Виноградов, А.Л. Литвин, Н.М. Перемышленникова, В.С. Христофоров; науч. ред. А.Л. Литвин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: X-History, 2003. – 295 с.
6. Краткий отчет о работах Четвертого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года). – Петроград: Центр. изд-во Партии социал-революционеров, 1918. – 160 с.
7. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. – М.: РОССПЭН, 1998. – 622 с.
8. *Морозов К.Н.* Партия социалистов-революционеров во время и после революции 1905–1907 гг. как социокультурный феномен в контексте субкультуры российского революционера // Cahiers du Monde Russe. – 2007. – Vol. 48, N 2-3. – P. 301–331.

9. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. – М.: РОССПЭН, 2005. – 736 с.
10. Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 3. – С. 95–114.
11. Морозов К.Н. Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX века // Социальная история: ежегодник. 2011 / отв. ред. Н.А. Пушкарева. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 147–175.
12. Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3 (19). – С. 345–361.
13. Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультуре российского революционера в первой трети XX в. // Социальная история: ежегодник. 2009. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 95–112.
14. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. В 3 т. Т. 3, ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. / сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.Д. Ерофеев; отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 2000. – 1055 с.
15. Протоколы заседаний ЦК партии эсеров (июль 1917 – март 1918 г.) с комментариями В.М. Чернова / публ. подгот.: Ю.Г. Фельштинский, Г.И. Чернявский // Вопросы истории. – 2000. – № 7. – С. 3–31.
16. Разоблачение лжи // Голос России. – 1922. – 23 марта. – С. 1.
17. Свирская М.А. Из воспоминаний / публ. и предисл. Б.М. Сапира // Минувшее: исторический альманах. – М.: Прогресс: Феникс, 1992. – Вып. 7. – С. 7–57.
18. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного Собрания // Архив русской революции. – Берлин: Слово, 1924. – Т. 13. – С. 5–70.
19. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов / сост.: С.А. Крайильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1006 с.
20. «Сын вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» процесса с.-р. 1922 г.: документы и материалы из личного архива В.Н. Рихтера / сост., коммент. К.Н. Морозова, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой (Рихтер). – М.: РОССПЭН, 2005. – 653 с.

Статья поступила в редакцию 15.03.2018.

Статья прошла рецензирование 05.09.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355

**“IT WASN’T LIKE THAT”:
DISCUSSIONS ABOUT TERROR
IN THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY
DURING THE CIVIL WAR**

Morozov Konstantin,

Dr. of Sc. (History),

Professor of the History Department

School of Actual Humanitarian Research

of the Institute of Social Sciences

Russian Presidential Academy of National Economy

and Public Administration,

1, Vernadsky Ave., 82, Moscow, 119571,

Russian Federation

morozov.socialist.memo@gmail.com

Abstract

This article, written to a large extent on archival material (mainly from the Central Office of the Federal Security Service of the Russian Federation), is devoted to the topic of discussions about terror and the attitude of the Socialist Revolutionary Party to it during the Civil War. The studies conducted in the previous year allow us to draw a conclusion that the assassination attempt on Vladimir Volodarsky on June 20, 1918 and on Lenin on January 1 and August 30, 1918 cannot be considered out of the context of the Socialist Revolutionary Party attitude to terror (though they were not the acts of the Socialist Revolutionary Party).

If we consider the emergence of terrorist sentiments in the SR and the SR terror itself after October 1917, without violating the principle of historicism, it becomes obvious that these sentiments were a response to the seizure of power by the Bolsheviks in October 1917 and the dispersal of the legitimately elected All-Russian Constituent Assembly, accompanied by the shooting of peaceful demonstrations in its defense in Petrograd and Moscow. At the same time, a considerable part of the Socialist Revolutionaries, including leaders, was plunged into a great deal of confusion by the impossibility to use weapons (including terror acts) against the socialists, and also in a situation when the Bolsheviks enjoyed the support of a part of the capital city proletariat (and not only in the capital city).

Keywords: the assassination attempt on Lenin V.I., the Civil War, the Socialist Revolutionary Party, opposition terrorism and the state terror, the trial of Socialist-Revolutionaries in 1922.

Bibliographic description for citation:

Morozov K.N. "It wasn't like that": discussions about terror in the Socialist Revolutionary Party during the Civil War. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 1, pt. 2, pp. 327–355. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-327-355.

References

1. Central FSB Archive. N 1789.
2. Hoover Institution Archives. Collection B.I. Nicolaevsky.
3. Beseda s B.A. Babinoi [Conversation with B.A. Babina]. Publication by N. Barmín. *Minushee: istoricheskii al'manakh* [Past Times: historical almanac]. Moscow, Progress Publ., Feniks Publ., 1990, iss. 2, pp. 367–389.
4. Danilov E. Pokushenie [Attempted murder]. *Sovershenno sekretno*, 2013, November 6 (no. 11/38). Available at: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/3910/> (accessed 10.02.2018).
5. Vinogradov V.K., Litvin A.L., Peremyshlennikova N.M., Khristoforov V.S., comps. *Delo Fani Kaplan, ili Kto streljal v Lenina* [The case of Fanny Kaplan, or Who shot Lenin]. 2nd ed., rev. Moscow, X-History Publ., 2003. 295 p.
6. *Kratkii otchet o rabotakh Chetvertogo s'ezda partii sotsialistov-revolutsionerov (26 noyabrya – 5 dekabrya 1917 goda)* [A brief report on the works of the Fourth Congress of the Party of Socialist Revolutionaries (November 26 – December 5, 1917)]. Petrograd, Tsentral'noe izdatel'stvo Partii sotsial-revolutsionerov Publ., 1918. 160 p.
7. Morozov K.N. *Partiya sotsialistov-revolutsionerov v 1907–1914 gg.* [Party of Socialist Revolutionaries in 1907–1914s.] Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 622 p.
8. Morozov K.N. Partiya sotsialistov-revolutsionerov vo vremya i posle revolyutsii 1905–1907 gg. [The Socialist Revolutionary party during and after the Revolution (1905–1907): as a socio-cultural phenomenon in the context of the subculture of the Russian revolutionary]. *Cahiers du Monde Russe*, 2007, vol. 48, no. 2-3, pp. 301–330.
9. Morozov K.N. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of socialist revolutionaries and prison confrontation (1922–1926): ethics and tactics of confrontation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 736 p.
10. Morozov K.N. F.E. Kaplan i pokushenie na V.I. Lenina 30 avgusta 1918 g. [F. Kaplan and attempt on Lenin's life on August 30, 1918]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 2018, no. 3, pp. 95–114.
11. Morozov K.N. Fenomen, tendentsii razvitiya i transformatsii subkul'tury rossiiskogo revolyutsionera (vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka [Phenomenon, tendencies of development and transformation of subculture of the Russian revolutionary (the second half of the XIX century – the first half of the XX century)]. *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik* [Social history: yearbook. 2011]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2012, pp. 147–175.
12. Morozov K.N. "Ya ne Sharlotta Korde, no zhit' bez deistviya nadoelo": novye svidetel'stva i shtrikhi k portretu i biografii Fanni Efimovny Kaplan ["I am not Charlotte Corday, but living without action is tiring": new testimonies and strokes to the portrait and biography of Fanny Efimovna Kaplan].

lotte Korde, but bothered to live without action": new rows to a portrait and Fanny Efimovna Kaplan's biography]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal – Petersburg historical journal*, 2018, no. 3 (19), pp. 345–361.

13. Morozov K.N., Morozova A.Yu. Granitsy i traktovki predateľstva v partiinomu pravosudii RSDRP i PSR i subkul'ture rossiiskogo revolyutsionera v pervoi treti XX v. [Boundaries and interpretations of betrayal in the party justice of RSDLP and PSR and the subculture of the Russian revolutionary in the first third of the twentieth century]. *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik* [Social History: yearbook. 2009]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2010, pp. 95–112.

14. Erofeev N.D., comp.; Shelohaev V.V., execut. ed. *Partiya sotsialistov-revolyutsionerov: dokumenty i materialy*. V 3 t. T. 3, ch. 2. *Oktyabr' 1917 g. – 1925 g.* [Party of Socialist Revolutionaries: documents and materials. In 3 vol. Vol. 3, pt. 2. October 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 1055 p.

15. Protokoly zasedanii TsK partii eserov (iyul' 1917 – mart 1918 g.) s kommentariyami V.M. Chernova [Minutes of the meetings of the Central Committee of the SR party (July 1917 – March 1918) with comments of V.M. Chernov]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2000, no. 7, pp. 3–31.

16. Razoblachenie lzhi [Disclosure of lies]. *Golos Rossii – Voice of Russia*, 23 March 1923, p. 1.

17. Svirskaya M.L. Iz vospominanii [Selected memoirs]. Ed. by B. Sapir. *Minushee: istoricheskii al'manakh* [Past Times: historical almanac]. Moscow, Progress Publ., Feniks Publ., 1992, iss. 7, pp. 7–57.

18. Sokolov B. Zashchita Vserossiiskogo Uchreditel'nogo Sobraniya [Defence of the All-Russian Constituent Assembly]. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Berlin, Slovo Publ., 1924, vol. 13, pp. 5–70.

19. Krasil'nikov S.A., Morozov K.N., Chubykin I.V., comps. *Sudebnyi protsess nad sotsialistami-revolyutsionerami (iyun' – avgust 1922 g.). Podgotovka. Provedenie. Itogi: sbornik dokumentov* [Trial of the Socialist Revolutionaries (June–August 1922): Preparation. Conducting. Results: collection of documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 1006 p.

20. Morozov K.N., Morozova A.Yu., Semenova (Rikhter) T.A., comps. and comments. "Syn vol'nogo shturmana" i trinadtsatyi "smertnik" protsessu s.-r. 1922 g.: *Dokumenty i materialy iz lichnogo arkhiva V.N. Rikhtera* ["Son of a free navigator" and the thirteenth "Deadly" of the trial of the EsErs. 1922: Documents and materials from the personal archives of V.N. Richter]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 653 p.

The article was received on 15.03.2018.

The article was reviewed on 05.09.2018.